

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ «ЛЕСНАЯ СКАЗКА» Н. РУБЦОВА

Николай Михайлович Рубцов прожил в мире поэзии всего 35 лет и после трагической гибели обрёл вторую жизнь – обрёл посмертную славу. Он успел издать всего пять сборников, но привлёк внимание читателей. Стихи «Берёзы», «Звезда полей», «Тихая моя родина», «Русский огонёк» вошли в школьную программу. Писатель В. Астафьев так оценил стихи поэта: «Этого чуда уже никто и никогда не повторит».

Кажется, современная критика сказала почти всё о творчестве поэта. Тогда краеведы г. Дзержинска решили исследовать малоизвестную страницу краткого пребывания знаменитого автора в июне-июле 1969 года на Ветлуге. Сказочные места, множество легенд о разбойничавших в округе шайках разгромленного разинского мятежа пленили, и поэт обращается к одной из легенд. Так рождается «Лесная сказка». Сюжет прост. Грозный разбойник Ляля и его верный друг Бархотка грабят и убивают господ. В одном из набегов Ляля видит красавицу княжну и влюбляется в неё. Прогоняет любовницу Шалуху и просит Бархотку «умыкнуть» княжну, обещая за это клад. Грозный атаман лживым обещанием красавицу заполучил, но Бархотка не получил клада. Слово вора ненадежно. Обманутый Бархотка убивает княжну. Завязывается поножовщина и противники убивают друг друга. Отвергнутая любовница бродит из деревни в деревню и рассказывает детям и старухам «о любви разбойника печальной».

Эту поэму автор предлагает журналам. Её не печатают. Известна история отказа редактора «Литературной России» К. Поздняева. Уважая поэта, К. Поздняев предлагает ему опубликовать стихи, подобные тем, что нравятся читателям.

На мой взгляд, прав писатель В. Шамшурин, считая, что не нашёл в ней (в «Лесной сказке») К. Поздняев содержательности. «Посчитал за пустячок. Художественной завершенности и обязательности не смог обнаружить в стихотворной сказке издательский редактор». Поэма была напечатана только после смерти поэта. По стихам появляются новые работы, но никто не выделяет из ряда вон стихотворную сказку. Тут-то и оживили интерес к ней, внося некую интригу, два фактора.

Первый – сам автор назвал своё произведение «классикой XX века». Второй – стандартные причины не печатать. Появились кривотолки, что поэма негодна режиму, что не воспитывает трудового человека, не говорит об освоении космоса. Одним словом, не удовлетворяет принципам социалистического реализма. Делались предположения, что со временем все увидят взлёт любимого детища Н. Рубцова.

Время идёт. О поэме заговорили на периферии. В Вологде, на родине поэта, в Варнавине, это их заветные леса и доли, их легенды навевали романтические мотивы. Профессор Нижегородского университета В. Морохин, составитель сборника «Легенды и предания Волги-реки», упоминая поэму, перекликается с варнавинским краеведом И. Вороновым. Литературоведы неместного и местного значения, рассуждая о «Лесной сказке» пытаются добавить немного своего, тут-то и начинается самодельность.

В. Зинченко в предисловии к 3-х томнику Н. Рубцова сообщает, что «автор предсказал свою судьбу, не ожидая того, что погибнет от любовницы Шалухи...» На это Н. Коняев, один из основных исследователей творчества Н. Рубцова, заметил: «... можно было бы посоветовать В. Зинченко внимательно прочесть «Лесную сказку» и убедиться, что Шалуха не убивала Лялю». Если говорить о самой поэме, то сразу же не воспринимается то, что грозного разбойника зовут таким неопределённым именем. Об этом пишет Н. Старичкова, автор книги «Рядом с Рубцовым» (Вологда, 2001). Но такова легенда.

И дело здесь не в имени, а в самом образе. Ляля грабитель – одиночка. И цель у него одна – личное обогащение и желание пожить, не утруждая себя добродетелями. Ляля живёт обманом. Обманул и друга своего Бархотку. И результат: «Тут сверкнули ножики кривые...». Конечно, можно обзывать поножовщину из-за женщины или денег битвой, но тогда блеснули бы ножи, а не «ножики». Можно и драку величать «столкновением сильных характеров», но воровскую разборку назвать стремлением к человеческому счастью – это нужно додуматься...

В показе событий далёкого XVII века легко придать обаятельности заматеревшему в убийствах и грабежах безграмотному мужику, но нарушится правда образа, характера. Почему же автору показался привлекательным такой герой? Возможно, в поэтическом воображении рисовалось совершенно другое, а получилось, что получилось.

В начале о главном действующем лице. В чём автор видит его героизм?

Был проворен Ляля долговязый.

Пыль столбом взметая над слободкой.

Сам бывало, злой и одноглазый,

Гнал коня, поигрывая плёткой.

Лихой наездник, но в чём авторы статей усматривают его героизм? Вот жестокий он был.

Ляля жил – не пикнет даже муха...

Из этой цитаты ясно, что все жители округа были для него «мухами», а не только господа, которых он не любил. И убивал. Однако убийство – это грех. Это же чистой воды бандитизм, имеющий в уголовном кодексе определённую статью. Мало ли кого мы не любим, но это не даёт нам право их убивать и грабить. Если трактовать ситуацию вольно, то народный борец Ляля выплывал с дружкой из тумана на лодке с добычей. Так что героическими такие деяния не назовёшь.

Вологодский критик В. Оботуров в книге «Искреннее слово»¹² пишет: «Лесная сказка» навеяна народными преданиями, в которых воплотилась мечта трудовых людей о воле и справедливости, поэтому героем стал разбойник (?». Хочется возразить, а почему героем не может стать иннокентий Варнава, пришедший в красочные места из Великого Устюга и положивший начало заселению этих сказочных мест? Тем более, что Варнава Ветлужский, чудотворец, пополнил список русских святых?

Уместно вспомнить вольницу Степана Разина. Он тоже по-существу бандит, но ведёт за собой доведённые до крайности массы против тех, кто их обездолил, и казнит крепостников беспощадно. Он борец. Он мститель. О нём народные песни.

Дальше В. Оботуров поднимает вопрос о дружбе и любви. В том, что Ляля понятия не имеет о честности в дружбе, мы убедились. Теперь о любви. Степан Разин «бросает княжну в набежавшую волну», потому что она стала причиной его раздора с собратьями по ремеслу. Что же Ляля? Безобразной внешности убийца превращается в нежного влюблённого. Он готов забыть своих товарищей и стать новым князем. В народных преданиях этого быть не может, потому что, не может быть. А как слезливо, слащаво и витиевато изливается Ляля княжне.

Мы уйдем из этого становья,

Чтобы честно жить, как христиане...

Где легко посвистывают бризы...

Осеняют море кипарисы...

... цвели тюльпаны,

Чтоб всё время музыка играла...

Исследователи лесной притчи ищут в ней чуда. И вот оно. Чудом можно назвать превращение безграмотного недотёпы в изысканного поэта.

Авторы статей связывают с поэмой Н. Рубцова поэмы А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.А. Блока. Не понятно только одно, как они не замечают смехотворности этих сравнений? Леонид Соловьев, автор дилогии о Ходже Насреддине, когда его называли писателем, отвечал: «Я знаю трёх писателей – это А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и Лев Толстой, а я литератор».

Рассмотрим сцену из «Лесной сказки», называемую исследователями битвой за человеческие ценности, за жажду человеческого счастья.

Тут блеснули ножики кривые,
Тут как раз и лёгкая заминка
Происходит в повести впервые:
Я всего не помню поединка.

А ведь автору действительно нечего вспомнить, потому что нет ничего ценного и поучительного в поножовщине. Совершенно по-другому показана подобная сцена у М.Ю. Лермонтова. Идёт кулачный бой между купцом Калашниковым и опричником Кирибеевичем. Калашников бьётся за честь жены, за свое поруганное имя. В поэме есть и народная справедливость и народный речитатив. У Н. Рубцова однообразная интонация (по определению В. Оботурова) и усреднённость речевой формы. К тому же, если Н. Рубцов в поэме стремится к примитиву, тогда какую же философскую подоснову (определение критика К. Пигарева) видит В. Оботуров, привязав к поэме глубочайшую Тютчевскую мысль?

Поочерёдно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

Пытаясь усилить накал пульса гражданственности сказки, В. Оботуров пишет: «Ему (Н. Рубцову) было важно опосредствованно, через вековой опыт воссоздать страничку легендарного (?) прошлого». А дальше выносит определение: «Эпический стиль, - отмечал Гегель, - заключается в том, что кажется, будто творение продолжает слагаться само по себе и выступает самостоятельно, как бы не имея за собой автора».

Но, во-первых, что в разбоях Ляли легендарного? Или обесценилось понятие «легендарный»? Во-вторых, при чём здесь Гегель? Даже бездарное произведение может слагаться, не имея за собой автора. Так что нет в сказке ни легендарного, ни эпического.

Позволю небольшое отступление. Когда прочтёшь книгу О Генри «Короли и капуста» спросишь себя: «А при чём здесь короли?». И ответишь: «А при чём здесь капуста?».

Безусловно есть в поэме прекрасные строчки и точные детали -

Первым другом был ему Бархотка,
Только волей неба не покойник.
или
И разбоя сдержанные звуки
До её души не долетали.

Удачно найдена концовка – «на земле не то ещё бывало».

Однако не об этом разговор. Разговор о значимости поэмы. Бедой всех исследователей является их заданность, вот и соревнуются авторы, кто какую тайну отыщет, необъяснимую загадку найдёт и какое великое имя привяжет.

Творческий путь Н. Рубцова справедливо определяют критики, как путь от лирических стихотворений к более многоплановым видам. Нет сомнений, что поэт к этому бы пришёл. Не хватило времени, а первый блин оказался комом. Вот и строится всё на ложной посылке найти героическое в беспределе. Смею предположить, что начнись поэма торжественными словами,

Меж высоких стволов
Красовался восток огнеликий...,

совершенно в другом ключе пошёл бы сказ и разбойник носил бы другое имя. В. Кожин в поэме «Разбойник Ляля» сказал: «Не поворачивается язык назвать «Лесную сказку» творческой удачей...» Странно, что ни один исследователь не попытался в этом разобраться. Я открываю страницу, перечитываю начало –

Мне о том рассказывали сосны
По лесам, в окрестностях Ветлуги...

и знакомую удивительную напевность, плавность, ритмику ощущаю. Н. Полищук, кандидат филологических наук из г. Дзержинска, в связи с поэмой Н. Рубцова упоминает Байрона и Шелли. Не знаю, что послужило основанием смелого сравнения, но мне начальные строчки напомнили другое. Тот же пятистопный хорей с женской рифмой.

Если спросите откуда
Эти сказки и легенды,
С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины,
Голубым дымком вигвамов,
Шумом рек и водопадов.
Шумом громким и стозвучным,
Как в горах раскаты грома...

Это «Песнь о Гайавате» Генри Лонгфелло.

Начальные строчки роднят два произведения. Что ещё? Легенды. Ещё? Герои Лонгфелло и Рубцова – исторические реальные люди. И, конечно, пятистопный хорей. Дальше начинаются различия. Эпос – это не просто легенды и притчи о злоключениях и личном горе одного человека, это сказания о людских судьбах. Гайавата ниспослан индейским племенам расчистить их реки, рыболовные места и леса, что необходимо для выживания. Гайавата кладёт конец вражде племён, учит их ремёслам. Образ его напоминает русских богатырей. Это оценка критика Б. Томашевского. Гайавата борется с Меджисогвоном, побеждает и раздает богатства племенам. И друзья Гайаваты подстать ему, напоминающие персонажей античных мифов. А как разнятся любовные отношения героев «Лесной сказки» и героев «Песни о Гайавате». Целомудренная и крепка любовь Гайаваты и Миннегаге. Их чувства рождаются не только на личном, но и на состраданиях к людям. В отношениях Ляли и княжны Лапшангской нет и капли искренности. Любовь героев Лонгфелло зиждится на взаимности, нежности и дружбе. В «Песне о Гайавате» проводится интересная мысль: в человеке важен не внешний облик, а внутреннее благородство и моральные качества. К безобразному облику Ляли – «как циклоп в своих лесистых скалах...» - его аморальные поступки не прибавляют благородства.

В русской сказке «Аленький цветочек» девушка полюбила страшное существо, потому что увидела в нём доброту и скромность. Уродом юноша стал после злобного наговора. И мысль здесь такова: благородство в любом облике остаётся благородством. Каждый поэт ценен прогрессивными идеями и правдой изображения. Вот почему Лонгфелло обрёл мировую известность, а Байрон, издав «Чайльд Гарольда» проснулся

знаменитым. Их герои – цельные характеры, живущие по справедливым жизненным принципам, законам и логике.

У Рубцова есть стихотворения, о которых писал исследователь современной отечественной поэзии В. Кожин, отмечая «подлинность его поэтического мироощущения, самородность слова и ритма». И я убеждён: не «Лесной сказкой» вошёл поэт Н. Рубцов в литературу, в народное признание, а стихами.

Поэт – песенник А. Фатьянов известен стихотворениями, которые становились песнями. И мало кто догадывается, что у него есть поэмы. Главное, что у него есть песни и их поют «от Москвы до самых до окраин».

Одна из дзержинских газет писала: «Есть в его поэме («Разбойник Ляля») какая-то загадка... Много ещё неизвестных глубин, которые только предстоит изведать и прочувствовать... Есть ещё что изучать, над чем подумать».

Изучайте. Это похвально и необходимо. Пишут же ученики сочинение на заданную тему и картинки рисуют как иллюстрации к «Лесной сказке». И творческие сценарии можно составлять учителям литературы, импровизируя, добавляя новые темы морали и нравственности ненавязчиво, без явного нравоучения, воспитывая в подрастающем поколении достоинство и честь – обязательное качество богатырей, а не воров и разбойников. И прекрасное нужно воспитывать на прекрасном, романтическом, на том, что навеяно природой, лесом, водной стихией и непременно народными сказаниями. Всегда создаётся впечатление, что это навеяно чем-то непостижимо высоким и поэтому захватывающе привлекательно.

Понятно желание руководителей рубцовских музеев искать и находить во всём, что связано с творчеством поэта что-то малоизвестное или недопонятое, с намёком на сверхъестественное и даже скандальное. Ищите, и пусть вам сопутствует удача. Ищите в личной жизни поэта, в его быту. Ищите в его прекрасных стихах. Но зачем искать в поэме «Разбойник Ляля» того, чего там нет?

Уважая стихотворца, признавая его поэтические достоинства, хочу сказать: «Дай Бог всем пишущим достичь в своих стихах тех высот, каких достиг Николай Михайлович Рубцов».

Валерий Лысяков
21.08.06 г.

ВЕТЛУЖСКАЯ ПОЭМА НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Истоки. Создание. Издание. Судьба

*Была поездка не напрасной:
Рубцов создал «Лесную сказку»,
на север возвратясь;
переложил легенду в слово,
чтобы герои жили снова
и волновали нас.*

АЛЕКСАНДР КОЛЕСОВ. На Ветлуге.¹

«Высился над деревней угрюмый, поросший лесом бугор.

- Лялина гора! – показывала тёмным перстом хозяйка. - Клады Лялины по сю пору в
земельке лежат.

- Какие клады, бабушка?

- А погоди, расскажу.

И услышали мы красивую лесную сказку о Ляле-разбойнике и его кладах, о лесной
девке Шалухе, прекрасной княгине и молодом атамане Бархотке. Коля загорелся сразу.
Он даже не стал старушку дослушивать.

- Я напишу об этом, обещаю тебе, Саша... Только по своему...»², - написал Александр
Сизов, спустя 15 лет, об услышанном им и Николаем Рубцовым устным народном
предании варнавинского Заветлужья.

Н. Рубцову, выросшему в лесной деревенской глуши, поэзия преданий и сказок близка
вероятностью тайны, чуда, а может быть и несбывшегося... Он, тончайший лирик (жить
то ему осталось всего-то полтора года!), пытается найти новые пути в творчестве и
избирает предание-легенду, пронизанную ветрами истории; он пробует освоить
необходимый душе его жанр поэмы-сказки, вбирающей в себя вечные земные
человеческие мотивы – любовь, справедливость, преданность.

Народ в «преданиях старины глубокой» приближает прошедшее, забытое,
составляющее неотъемлемую часть бытия их предков, пытается вопреки неумолимому
ходу времени сохранить духовное начало современного и будущих поколений, хотя очень
и очень часто «... внуки не понимают и не хотят понять нищету, оплаканную песнями,
украшенную поверьями и сказками, глазами робких бессловесных детей, опущенными
ресницами испуганных девушек, встревоженную рассказами странников и калек,
постоянным чувством живущей рядом – в лесах, в озерах, в гнилых колодах, в плаче
старух, в заколоченных избах – томительной тайны и столь же постоянным ощущением
чуда», - писал К. Паустовский в середине XX века.³

Услышанное Рубцовым (и Сизовым) устное ветлужское предание отражает мечту
многих поколений людей о «любви до гроба», справедливости... Потому и герой её –
разбойник, типичнейшая фигура в устном народном творчестве всех народов мира,
олицетворяющая, как это не странно, тягу людей к воле. Народ «любит» разбойников,
особенно как у Рубцова – «совершающий набеги на господ, которых ненавидел». При
этом народ забывает, не желает понимать, что разбойник то по своей сути низменное
существо – бандит, вор, грабитель, тать, в общем нечисть людская, пренебрегающая
заповедями Божиими: не убий, не кради. К тому же, он дармоед, «кровопивец», не
желающий исполнять Богом предначертанную обязанность людскую – труд. Сегодня он
«господ» грабит (их на множество порядков меньше в общечеловеческом сообществе) –

ты, как «народ», радуешься, а завтра? Он у тебя, бедолаги, последний грош отнимет. Кому радость? Кто порадуется? А тебе то какво? Ты ж не «господин»? Но не уйдёшь от истины – фигура разбойника в народном эпосе одна из самых распространённых...

ИСТОКИ. Н. Рубцов и А. Сизов услышали народную легенду. Но какую? Однозначно ответить нельзя – о чём им повела Ляля Марья Васильевна Кирбитова в своём доме в починке Ляленка, что у речки Ляленки, журчащей вниз к Ветлуге, где высится Лялина гора. Если первый топоним – починок Ляленка – возник лишь в 1923 году, то два другие существуют «спокоен веков», и имеют прямое отношение к Заветлужскому преданию.

В нижегородском Поветлужье бытует несколько устных народных сказаний о разбойниках, в том числе две – о разбойнике Ляле, опубликованных в 1971 году и 90-х годах прошлого века (Н. Новгород).

Лялины горы. В сб.: Нижегородские предания и легенды,⁴ Кума-чародейка⁵, Легенды и предания Волги-реки⁶.

Записана Сысоевым А.А. от Соболева Н.И. 20 июля 1966 года в Ветлужском р-не (анализ выполненных Сысоевым А.А. записей легенд в этот период, позволяет предположить, что записана легенда в р-не деревень Ченебечиха и Горелая на речке Большая Какша, впадающей в Ветлугу выше по течению примерно в 10 км от г. Ветлуги).

В тексте: «... (говорят, что это один из атаманов Стеньки Разина). <...>. Атаман Ляля храбр, красив..., а место над рекой Ветлугой недалеко от Варнавина называют Лялиными горами» [Фактически называют одну гору – Лялина гора. -С.П.]. В тоже время, действия легенды происходят под нынешним городом Ветлугой на речке Большая Какша (д. Ченебечиха), где когда-то был монастырь. Шайка атамана разграбила, спрятала золото в бочку и опустила её на цепях в озеро. Далее с кладом происходят «страсти». В период записи текста легенды (1966 г.): «Старики помнят часовню, которая стояла на развалинах монастыря». Край лесной, сомнительно, чтобы часовня была каменной, а деревянная простоит век- полтора, что позволяет предположить – монастырь закрытый, как и Троице-Варнавинский, в царствование Екатерины II, подвергся естественному разрушению. Верующие в память о каком-то почитаемом святом поставили часовню на месте бывшего монастыря, простоявшую до начала XX века. Представляется реальным - этот вариант предания вряд ли был известен сказительнице Кирбитовой М.В. (1907-1989). Она, родившись в д. Михаленино (на р. Лапшанге, при впадении её в Ветлугу), большую часть жизни, выйдя замуж в Заветлужье (левый берег Ветлуги) в починок Ляленка, прожила там. Лишь в конце жизни вернулась на родину, где и похоронена.

Ляля. В сб. Легенды и предания Волги-реки.⁶

Записана от Шалобанова И.Ф. [Наст. фамилия Шалобаев. Уточнение Кирбитова Ю.А., уроженца починка Ляленка, хорошо знавшего сказителя. – С.П.] в посёлке Нижник Варнавинского р-на бывший Горьк. обл. Большаковой Т.И. в 1971 году, в окрестностях мест, где происходят события, на левом берегу Ветлуги, через два года после посещения варнавинского Заветлужья поэтом Рубцовым и студентом – третьекурсником Сизовым. Что повествуется в предании?

Атаман – страшный, одноглазый Ляля, красавец – богатырь Бархотка, лесная красивая девка Шалуха, княгиня – красавица, жена князя Лапшангского; местность здешняя – Ветлуга, Лялина гора, пос. Камешник на Ветлуге, р. Шуда, деревня Бархатиха; подлое разбойное убийство Лялей княгини на вершине Лялиной горы. И...«благополучный» финал: Ляля с вагагой разбойной уходит, а Бархотка с Шалугой остались жить да поживать, и детей с избытком наживать... Типичнейшее, умильное, слезу вышиба-

ющее окончание, как в большинстве народных преданий. Следует отметить – в тексте нет слов о кладах, кроме фразы: «Говорят, много народа осталось зарытым на горе и на дне Ветлуги». Вероятно, ошибка, так как народ –то можно зарыть на горе, а как это сделать на дне реки? [Следует читать – клады.-С.П.].

За четыре года до записи «Ляли» ветлужанин Иван Степанович Воронов опубликовал в варнавинской газете отрывок из повести, рассказ «Ляленка». ⁷ В редакционной ремарке сообщалось: «Это легенда о происхождении названий горы Ляленки и деревни Бархатиха». В тексте рассказчик повествует слушателям легенду, полностью идентичную тексту предания «Ляля», опубликованного в книге, ⁶ вплоть до мельчайших подробностей. Исключение – в рассказе «клады», а в книге – «народ». Текст, опубликованный Ворониным И.С., первичен (1967), а в книге – вторичен (1971). Плагиат налицо: не представляется реальным, чтобы позднейшая «запись со слов», дословно повторяла ранее опубликованный текст!

Рассказ «Ляленка» напечатан в газете в бытность работы в ней в качестве литсотрудника А.Сизова (ему предстояло ещё отработать 4 месяца до отбытия в студенты Литинститута). И, естественно, он был знаком с рассказом – легендой. Напрашивается предположение: по приезде к нему в гости Н.Рубцова, он не ознакомил ли его с легендой и не осмысленно ли предпринял путешествие с ним «...по лесам, в окрестностях Ветлуги», в починок Ляленка к Лялиной горе? Не подвергая сомнению факт устного повествования какого-то текста народного предания М.В. Кирбиговой, можно предположить с очень большой уверенностью, что Сизов А.А. был знаком с легендой по публикации в родной газете. К тому же, она опубликована в книге лишь в 1998 году уже после его преждевременной кончины (1997). К сожалению, ни Сизов, ни тем более Рубцов, не оставили никаких документальных свидетельств услышанного, а лишь каждый по-своему создали интерпретации... В художественном же вымысле нет смысла искать истину...

Варнавинские краеведы в 90-х годах прошлого века попытались на основе исторических фактов доказать существование реального разбойника, разинского атамана Ляли. ⁸

На Ветлуге в предании «Лялины горы», записанном в 1966 году Сысоевым А.А., в почти сотне километров от Лялиной горы, в Ветлужской р-не, говорится: «...разбойник Ляля (говорят, что это один из атаманов Стеньки Разина)». Предположение заключено в скобки и свидетельствует о сомнении автора записи. Каковы документальные факты?

Известно - на варнавинской земле (где расположена Лялина гора) отряд разинцев, около 50 человек, во главе с разинским атаманом Ильёй Понамарёвым-Долгополовым и двух разинских есаулов, пробыл чуть больше месяца. В отряде насчитывалось 30 марийцев, 10 посадских людей Козьмодемьянска, 5 казанских ямщиков, да черемисский пристав Мирон Мумарин, т.е. всех-то настоящих «разинцев» было 3 человека. 26 октября 1670 года атаман отправил 30 человек из отряда и сотню, из 250 присоединившихся русских крестьян, обратно в Козьмодемьянск. Одна из групп 28 октября появилась в селе Троицком-Варнавино и разграбила вотчину Степана Татеева, а другая – в селе Лапшанге, где подвергла разграблению вотчины Богдана Хитрово и Алексея Буйносова. О разгроме разинцами Варнавинского монастыря в документах сведений нет. 29 октября в Лапшангу прибыл атаман Илья Понамарёв-Долгополов. Из Лапшанской и Троицких вотчин в «козаки» (в то время их так называли) записалось до 100 человек. 29-30 октября они разорили господские дворы: в Шуде – князя Волынского, в с. Георгиевском – стряпчего

Никиты Тараканова и др. вотчины в Воскресенском стане. Богдан Хитрово (а не монахи), узнавший о разгроме его Лапшангской вотчины, донёс царю Алексею Михайловичу. 3 ноября войска полкового воеводы Данилы Барятинского захватили Козьмодемьянск. Он отправил на Ветлугу отряд Александра Карандеева. 23 ноября отряд (500 человек) полкового воеводы Василия Нарбекова с Волги из Юрьевца пошёл на Унжу, а оттуда в верховья Ветлуги. Когда Илья Понамарёв узнал о движении царских войск он собирает «ветлужских разинцев» и в начале декабря 1670 года направляется на реку Унжу по Лапшангской лесной дороге с 4-мя сотнями конников и 3-мя сотнями пеших на подводах. Занимает г.Унжу, узнаёт о наличии царских войск в 15 км в Макарьевском –на –Унже монастыре и начинает отступление по Меринской дороге в верховья Унжи, а затем в верховья Ветлуги. При отступлении «ветлужские козаки» дезертировали и отправились по домам в Лапшангскую, Троицкую и Баковскую вотчины. Понамарёв на Ветлугу не пошёл, передал командование черемисскому приставу Мирону Мумарину, а сам на 5 подводах с награбленным добром и группой друзей подался в Тотемский уезд. 12 декабря с ними был повешен в г.Тотьме. Нарбеков разгромил отряд Мирона Мумарина 12-13 декабря в верховьях Ветлуги у Шанги и Рождественского в 80-40 км от современного города Ветлуги, т.е. этот отряд разинцев не дошёл и не мог разграбить и сжечь Нововоздвиженский монастырь на реке Большая Какша близ села Ченебечиха. Кстати, в устном предании «Лялины горы» повествуется о разграблении монастыря, а не о его сожжении, о чём написано в статье Д.Монахова «Казачи – разбойники»⁸.

Архивные документы сохранили фамилии 79 «ветлужских разинцев», наказанных правительственными войсками, среди них жители существующих и поныне населённых пунктов Варнавинского района: Ивашко Семёнов с. Никольское-Ланшанга, Сенька Вихторов д. Ляпуновой, Афонька Сидоров д. Кирюшины, Ларька Гаврилов д. Латышихи (орфография сохранена по документу XVII века).

Действия разинцев (ветлужских «козаков») на земле Поветлужья, их уход и разгром не дают повода утверждать о наличии «разинского» атамана-разбойника, а если и мог быть, то только свой доморощенный, да и то, впоследствии.

Край не заселён, городов нет. «Многие места в России,- писал М.В. Ломоносов через 80 лет после событий 1670 года,- глухие, на 500 и более вёрст без городов – прямые убежища разбойникам и всяким беглым беспашпортным людям. Примером служить может лесное пространство около реки Ветлуги, которая на 700 вёрст течением от вершины до устья простираясь, не имеет при себе ни одного города. Туда с Волги укрывается великое множество зимой бурлаков, из коих немалая часть разбойники. Крестьяне содержат их во всю зиму за полтину человека, а буде что он работает, то кормят и без платы, не спрашивая пашпорта. По таким местам должно основать и поставить города, дать знатым сёлам гражданское право, учредить ратуши и воеводства и оградить надёжными укреплениями».⁹ К тому же, наличие в Поветлужье беглых крестьян-раскольников, рекрутов, солдат и «гулящих» людей способствовало процветанию разбоя. В 1709-1710 г.г. один из отрядов разбитых булавинцев Гаврилы Страченка действовал на Ветлуге. В 1750 году крестьяне «навели» разбойников на поместье Тараканова в с. Георгиевском (выше по Ветлуге от Лялиной горы). Нет безоговорочных оснований числить разбойника Лялю «разинцем», а корни его следует искать в XVIII веке. Тем более в последней трети века возникли два города Ветлуга и Варнавин, население увеличилось (по 5-ой переписи 1797 года в пяти помещичьих дачах в пределах современного Варнавинского района проживало уже 6883 человека), заметно

развилась торговля, по Ветлуге стали ходить купеческие суда, т.е. можно было кого грабить... (Сведения о «разинцах» заимствованы из кн. «Варнавинская старина»¹⁰).

В пользу «не разинского» Ляли сошлось на происхождении его в ветлужском сказании по мотивам народной легенды А. Сизова «В тёмно-синем лесу...»¹¹ (позднее «Шалуха»): «С Камы далёкой, от самого Пермского камня привёл кривой, косматый Ляля свою шайку.» Он, возможно, слышал какое-то другое предание, или это литературный вымысел, не созвучный бытующей легенде.

СОЗДАНИЕ. Н.М. Рубцов уехал с Ветлуги с большими впечатлениями об увиденном – услышанном, окрылённый творческими замыслами. Об этом красноречиво свидетельствуют позднейшие воспоминания лиц, соприкасавшихся с поэтом в период июль 1969 – январь 1971 г.

Свидетельствует вологодский журналист, литературовед Василий Александрович Оботуров: «...приехав [в Вологду.-С.П.], с азартом рассказывал мне о поездке, о глухих лесах Приветлужья, о преданиях, какие там по деревням до сих пор рассказывают старухи»;¹² «...поездка Рубцова на Ветлугу состоялась летом 1968 года [1969.-С.П.]; тогда я редактировал газету «Вологодский комсомолец», часто встречался с поэтом и помню его азартные рассказы по возвращении».¹³

Багров С.П., журналист, писатель (обучался вместе с Рубцовым в Тотемском лесотехникуме в 1950-1951 г.г.): «В начале июля 1969 года [в конце июня.-С.П.], перед тем, как оправиться на Ветлугу, куда его звал литинститутовец Саша Сизов он попросил меня присмотреть за квартирой. <...>. [Рубцов возвратился.-С.П.]»

- Ты, Коля...-Да, да, - перебил он меня, - приехал из Варнавина. Есть такой городок на Ветлуге... Я весь в пыли! <...>. Перед тем как уйти, мы услышали, как Рубцов в слабом рокоте душа негромко сказал:

- Я вернулся оттуда богатым. Отыскал разбойничий клад. Но об этом потом... А сейчас вы идите. Как и Ляля, я должен сегодня остаться один...».¹⁴

Осенью 1969 года по свежим ветлужским впечатлениям Н.Рубцов работал над большим стихотворением «Разбойник Ляля» в деревне Тимониha, в доме друга, писателя Василия Ивановича Белова. Нижегородский литератор В. Киселёв, побывав в Тимониhe в доме Белова и разговаривав с матерью Анфисой Ивановной, она сказала: «Коля Рубцов здесь и сидел, где ты, а писал в той половине» [«Разбойника Лялю».-С.П.].¹⁵

Известный исследователь жизни и творчества поэта Вячеслав Сергеевич Белков в публикациях неоднократно упоминает о создании «Разбойника Ляли»: «Летом побывал на р.Ветлуге. <...>. В августе – сентябре в деревне Тимониhe у Белова написал поэму – сказку «Разбойник Ляля» - по варнавинской легенде».^{16,17,18} Окружение Н. Рубцова знало о его творческой работе над ветлужским произведением. Вспоминает Вас. Оботуров: «Вот это будет поэма, - не входя в подробности, с необычайным для него азартом говорил Рубцов. Слышать это было даже чуть странно, поскольку о своих замыслах он говорить не любил, тем более сам себе оценок никогда не выставлял...».¹² Имеется серьёзное свидетельство вдохновенной, творческой работы поэта над произведением.

Нинель Александровна Старичкова, достаточно близко знавшая Рубцова в 1967-1970 г.г., в воспоминаниях приводит разговор с ним, состоявшийся, вероятно, где-то в конце 1969 года: «...он снова появился у меня – прежний, улыбочивый, кажется очень доволен собой и всем на свете, глаза его сверкают. Сейчас что-то сообщит. Так и есть. – Я поэму написал... Смотрю на него с восхищением. Он, видимо, то же отметил это и поправил себя. – Нет, не поэму, просто большое стихотворение...».¹⁹

Осенью 1969 года состоялось (первое?) авторское чтение созданного произведения. Вспоминает С.П. Багров: «... лишь месяца через три [после возвращения с Ветлуги. – С.П.] он позвонил мне по телефону:

- Я у Энгельса Федосеева, - назвал он собкора российского радио. – Ты знаешь, где он живёт?

- Знаю.

- Немедленно приезжай! Да вина прихвати с разбойничьим цветом!

- Красного, что ли?

- Его! Как приедешь, начну распечатывать клад.»

В этот вечер в огромной квартире Энгельса, я впервые услышал «Разбойника Лялю». Читал Рубцов, уставясь глазами в окно, где виднелись вечерние крыши Вологды, на которых играл румяный закат. А за ним, за сгоравшим закатом, километрах этак в четырёхстах, или пятистах, мрачно-то таялся тот самый разбойничий бор, где когда-то сошлись в смертельной схватке Бархотка и Ляля»¹⁴.

Журналист Герман Александров в статье «Над закатом осенним»^{20,21} пишет: «Он читал свои стихи и тогда ещё неопубликованную поэму «Разбойник Ляля».

Недавно обнаружено свидетельство Семёновой Г., знакомой поэта, о чтении поэмы-сказки: «Кажется в начале года (1970. – С.П.) водил меня в гости к Чулкову (ул. Гоголя, 2-ой этаж). Читал там «Разбойника Лялю», наизусть, нигде не сбился, а другие даже в коротких стихах сбивались...»²²

Н.М. Рубцов, воодушевлённый ветлужскими впечатлениями, творчески, по-своему подошёл к созданию произведения, оставшись верным созданному А. Сизову: «Я напишу об этом <...>. Только по-своему...»²

Из заветлужского предания он заимствовал три имени – Ляля, Бархотка, Шалуха-безмянную княгиню Лагшангскую, да «леса в окрестностях Ветлуги» и создал собственный, рубцовский вариант народного предания о «Разбойнике Ляле» с полностью изменённым сюжетом и фабулой действия. Для поэтической интерпретации использован, возможно, какой-то текст, рассказанный М.В. Кирбитовой. Предание «Лялины горы» в то время не было опубликовано, да и образ Ляли в нём совершенно иной: «Он был храбр и красив...», а в легенде «Ляля» - «высокий, страшный с одним глазом», что соответствует рубцовскому образу: «... злой и одноглазый».

Фабула ветлужского предания более интригующая, по-народному «цветаста», более близка и понятна народу, слушателю сказания... В ней помощник атамана Бархотка имеет возлюбленную Шалуху. Ляля завидует, ревнует помощника. Они ссорятся. Бархотка, дабы Ляля закончил притязания на «его» Шалуху, предлагает в качестве примирения «умыкнуть» для него красавицу жену князя Лангшангского. Княгиня похищена, но отвергает «чудовище» Лялю «страшного, с одним глазом». Он её убивает (разбойник всегда «убивец»), но выполняя уговор с Бархоткой (помирились) уходит с ватагой в другое место. Бархотка остаётся с Шалухой. Нет никакой ссоры из-за клада.

Н. Рубцов в своей поэме-сказке упростил фабулу повествования: атаман (современный «пахан») нарушает основной принцип «джентльмена» - сдержанность данное слово. В обычной жизни его нарушение, как правило, часто ведёт к разрыву отношений. Другое дело разбойный, воровской мир – карается смертью, невзирая на авторитет, что соответствует их принципам жестокого, ни в грош не ставящего человеческую жизнь, сообщества. А что Ляля? Свихнулся от любви к раз увиденной княжне прекрасной и волею атамана посылает верного Бархотку выкрасть её и даёт слово:

А за то моя тебе награда,
И награда высшая для вора,
Всё, как есть, моё богатство клада...
Что ты скажешь против договора?

За отчаянный, дерзкий поступок – кражу жены князя – обещает всё своё добро награбленное (а не нажитое трудом). Княжна выкрадена. И как в сказке – полюбила «злого, одноглазого»: злодей становится добрым, мягким, влюблённым и настраивается на безбедную жизнь (за счёт награбленного). Но... Слово-уговор забыт! Пришло время расплаты. Ляля опускается до ничтожества – он торгуется с Бархоткой!, который резонно ему отвечает:

- Атаман! Когда во мраке ночи
Крался я с княжной через долину,
Разве я за стан её и очи
Рисковал тогда наполовину?

Как следствие, коль нет оплаты за воровской труд, смерть княжны от его, Бархотки, рук. А дальше – вполне разбойничья развязка. Всё просто, однообразно и...не захватывает воображение читателя. Однако, Рубцов стремится к лубочной простоте – вводит романтическую, любовную коллизию – отвергнутая возлюбленным, Шалуха остаётся преданной ему до конца –

И пошла на Лялину могилу,
Чтоб навек с ним соединиться.

Общеизвестный в народных сказаниях приём подачи слушателям «верной любви до гроба», однако оговоренный:

Но грустить особенно не надо,
На земле не то ещё бывало.

Мы знаем – жизнь, подчас преподносит такие «сюжеты», - в сказке не придумаешь...

В лесной сказке «главный» разбойник носит необычное для народа личное имя Ляля. Н. Рубцов в разговоре с Нинэль Старичковой об этом упомянул: «...Меня только одно имя смущает.

- Какое имя?

- Ляля. Это разбойник.

- Ну. – говорю,- для разбойника это не очень подходит. Уж больно он у тебя ласковый и добрый.

- Мне тоже это говорили, но я так хотел...

Коля стал читать жестикулируя...»¹⁹.

Нинэль Александровна верно заметила – имя ласковое, отдаёт добротой – и, возможно, ей пришла на ум широко бытующая в народном бытовом говоре присказка «лялю тебе в одеяле». Так в простонародье называли младенцев, коих качая на руках мелодично напевали бесхитростно, но ласково «ля-ля-ля, ля-ля-ля...» Когда же возникала какая-либо досада на девицу на выданье или молодую женщину, не имеющую детей, на их капризы, на их безделье, то в этом случае родители или бабушки-дедушки произносили «в сердцах» -«лялю тебе в одеяле», тогда мол будет чем заняться... Как видим из разговора Рубцов тоже указал, что ему о добром имени говорили. Однако он скрыл источник происхождения (ветлужская легенда), сославшись - «...я так хотел...».

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля²³ читаем: «Ляля, лялька – дитя, дитятко, ребёночек, младенец; // вят. игрушка, цацка// Разиня, неуклюжий,

нерасторопный». Вряд ли разбойник мог быть игрушкой или разиней. А как дитя – Ляля вполне возможно, но... не более прозвища.

Так что же это за имя – Ляля?

Имя, как мужское, не встречается, а как женское широко распространено у цыган, молдаван. Среди русских личных имён в основной форме «Ляля» не значится, а зафиксировано лишь в уменьшительной форме: Ляленька, Лялечка, Лялик. Ляля – для трёх мужских имён – Алексей, Валентин, Олег и для 14 женских.²⁴

В варнавинском Заветлужье, где бытует услышанная Н. Рубцовым легенда, протекает речка Ляленка и держит путь вниз к Ветлуге, где расположена Лялина гора. В отдалённые от нас времена в дремучих лесах жили люди. Пример тому деревня Бархатиха, упоминаемая в документах 5-й ревизской переписи 1797 года. А речка Ляленка рядом. Народ поэтизировал окружающую местность, отдельные урочища, горки, речки. И можно предположить, когда-то кто-то из живущих около речки, прислушиваясь к её весёлому, мелодичному бегу вниз, услышал звуки: ля-ля-ля... И назвал речушку Ляленкой (кроме Ляленки протекает её приток «Лесная Ляленка», а в неё впадает «Полевая Ляленка»). А затем и возвышенное место берега Ветлуги- Лялина Гора. Когда появился злой человек, атаман с разбойничьей шайкой, позднее ставший мифической личностью и потерявший подлинное имя, людская память обратила его в легендарного Лялю, по имени горы. Предположение, не более... Однако, не мог же народ истинному разбойнику, душегубу, будь-то Алексей, Валентин или Олег, дать уменьшительное, доброе, ласковое имя Ляля?! Что же до реального атамана Ильи Пономарёва – Долгополова, то он пробыв чуть больше месяца на земле Поветлужья, ушёл на Унжу, затем бежал от войска государева в Тотьму, где и был повешен 12 декабря 1670 года. А через 280 лет в Тотьме учился Н.Рубцов. С атаманом повесили Микерку Дмитриева из Лапшанги, что расположена недалеко от родного Ляпунова А. Сизова, где Н.Рубцов гостевал через 300 лет.

Исторические факты не позволяют связывать имя разбойника «Ляля» с именем рязанского атамана «Илья», а находящиеся в земле ядра и палаша, не есть аргумент.

В народном предании (и у Рубцова) фигурирует ещё один разбойник по кличке Бархотка. В словаре В.И. Даля²⁵ читаем: «Бархота – пояс наружной судовой обшивки. Это значение «бархота» перенесено плотниками и на рубку изб; одна связка брёвен в сруб, с наставками и замками, один венец, обделанный и связанный рубкою». Можно предположить, что сей разбойник когда-то плотничал, рубил избы. За то и прозвали его «Бархоткой». Возможно и деревня «Бархатиха» происходит (с видоизменением) от слова «Бархота», т.к. жили в ней плотники, занимавшиеся рубкой изб, благо сторона лесная, избы нужны, а Ветлуга рядом – срубы на плотях можно в низовья спускать. Версия. Но...?, право на существование имеет...

ИЗДАНИЕ. «Писал свою «лесную сказку» Николай Рубцов в деревне Тимониха у Василия Белова в августе – сентябре того же года [1969 – С.П.], видимо не успев сразу довести её до конца, но в успех верил».¹² И счёл возможным напечатать, предприняв попытку «втиснуть» её в сборник «Сосен шум», находившийся в производстве в издательстве «Советский писатель». Однако, редактор сборника Е.С. Елисеев отказал и отказ выглядит объективным и убедительным: рукопись книги была почти подготовлена к набору (сдана в набор 25 февр. 1970) и, возможно, увидел художественную незавершённость «были», о чём обстоятельно сообщил в письме автору: «...Дальше по содержанию ты увидишь, как я расположил стихи. Кажется, удачно. Хотелось, чтоб свет и тень были разномерно, «быль» о разбойниках вставить не мог. В ы л е з а л а б ы

она из книжки каким-то причудливым и необязательным наростом. [Разрядка – С.П.]. И главное – свела бы она на нет наши старания высветить, не пригладить, не прилизать, а именно высветить колорит сборника». ²⁶ Как следует из письма, созданное большое стихотворение Рубцов к концу года определил былью.

Достаточных свидетельств работы Н.Рубцова над «былью, поэмой, сказкой» в 1970 году нет. Однако, он работал, дорожил написанным в необычной для него форме большим произведением, стремясь, как можно быстрее вынести на суд читателей. Ровно через год рукопись отправлена в редакцию еженедельника «Литературная Россия». За несколько дней до трагической гибели ответ получен от главного редактора Константина Ивановича Поздняева: «Дорогой Николай Михайлович! Лит. Россия – полугазета, полужурнал. В силу этого нам прямо-таки противопоказано писать такие вещи, как Ваш «Разбойник Ляля». Как бы ни была она мила, поэтична, это всё-таки весьма далёкая от нашей жизни сказка... Посылайте цикл стихов о том, что ближе к нашим дням, что созвучно чувствам и делам современников». ²⁷ (Обратите внимание, в письме – сказка).

Отказ на первый взгляд выглядит неубедительным. Но... Год-то только 1971-ый! Во всю гремит «эстрадная поэзия», восхваляющая нынешнюю «радостную» жизнь, предрекающая и зовущая в «светлое будущее...», а тут предлагается какая-то «сказка», которая не блещет поэтическими достоинствами и не понятно, к чему она «зовёт»? То ли к памяти народной, то ли в разбойники «благородные»... Так что не следует представлять редактора этаким злодеем, «зажимающим» поэта. К тому же, так ли мы все с вами уверены, будь жив Н.Рубцов и напиши он сегодня, в январе 2003 года сказку – все ли редакции журналов, газет ринутся наперегонки печатать её?!

Редактор К.И. Поздняев – нижегородец, поэт - рапповец. После первого съезда «инженеров человеческих душ» (писателей СССР), один из организаторов в 1934 – 1935 г.г. Горьковской писательской организации. В годы войны – сотрудник фронтовых дивизионных газет. В 1942 году в районе Таманского полуострова для бригады морской пехоты полковника Гордеева написал «Марш гордеевцев» и участвовал в издании в типографии «дивизионки» на отходах («газетном срыве») книжки – малышки «В боях за Родину» тиражом 500 экз. Книжечка миниатюрного формата вручалась отличившимся морским пехотинцам, умещалась в кармане гимнастёрки и ... канула в небитие вместе с ними. Единственный уцелевший авторский экземпляр передан им в 1982 году в Литературный музей им.М.Горького. ²⁸ (Н.Новгород).

Н.М. Рубцову, несмотря на все старания, не пришлось увидеть ветлужскую поэму напечатанной... Дал ей путёвку «в свет» в 1971 году его друг, литератор-вологжанин Виктор Коротав.

В сентябрьском номере (9) журнала «Сельская молодёжь» ²⁹ в рубрике «Поэтические тетради» напечатаны лесная сказка и четыре стихотворения: «Хлеб», «Оттепель», «Левитан», «Ничего не стану делать». Предваряет лирические произведения его вступительная статья «О Николае Рубцове» (в ней нет никакой оценки поэмы-сказки).

Вик. Коротав после трагической гибели поэта, по некоторым воспоминаниям современников, забрал рукописи из квартиры. Вполне возможно среди них был какой-то вариант ветлужской поэмы. И он предоставил его редакции журнала. Поэтому, есть основания предположить: воспроизведённый в журнале текст «Разбойника Ляли» - последний авторский. Несколько позднее попытаюсь подтвердить возникшее предположение...

СУДЬБА. Александр Алексеевич Сизов, будучи студентом 5 курса, ознакомившись в поэмой – сказкой своего друга где-то в середине – конце октября (в то время журналы поступали «в народ» в 2-3 декадах следующего месяца), подготовил предисловие и предоставил в редакцию родной варнавинской газеты.³⁰ Она первая и единственная (на 20 с лишним лет) среди газет страны опубликовала вторично: «16 января этого года в нашей газете была напечатана подборка стихов Николая Рубцова, а через три дня в Вологде его беспокойная жизнь трагически оборвалась. На страницах книг, журналов и газет его стихи живут и сейчас, но всё это, конечно, не может заменить горечь утраты. Мы несколько ночей провели вместе в заброшенном доме лесной деревушки Ляленки. Теснилась вдоль речки молодая смородина и белощапочный дягиль, за речкой в близнем лесу раскачивались на ветках молодые теревера, и самозабвенно гомонили дикие голубивитютни. Невдалеке синела Лялина гора, у подножья которой билась в беспокойных струях Ветлуга. Тогда мы и услышали прекрасную народную легенду о разбойнике Ляле, его атамане Бархотке и лесной девке Шалухе. С моей интерпретацией этой легенды читатели «Нового пути» уже имели возможность познакомиться, теперь я предлагаю поэтический перевод этой легенды, сделанный Николаем Рубцовым. Чистый светлый язык, точность и выразительность характера позволили писателю Виктору Астафьеву назвать лесную сказку Рубцова одним из лучших его произведений».³¹ Это первое свидетельство Александра Алексеевича о посещении Николаем Михайловичем ветлужской земли и первая, крошечная строка – отзыв о поэме-сказке прекрасного, правдивого, честного писателя Виктора Петровича Астафьева. Никаких документальных свидетельств о беседе с Астафьевым Сизов, кроме этой фразы, не оставил. Разговор, вероятно, состоялся на семинаре писателя, посещаемого Сизовым, в отрезок времени – середина октября – ноябрь 1971 г., после опубликования поэмы в «Сельской молодёжи».

Вторично «Новый путь» напечатал лесную сказку 30 июля 1994 года, за день до «Праздника поэзии Н. Рубцова» в Варнавине, приуроченного к 25-летию посещения поэтом ветлужской земли.³² (Как и в 1971 г. без разбивки глав на строфы).

25 августа 1994 г. А.Сизов подготовил «рубцовский» материал на двух страницах газеты «Знамя» (Решетиха, Нижегородская обл.) и в третий раз на земле Нижегородской напечатал «Разбойника Лялю».³³

К настоящим, Вторым Рубцовским чтениям издан проспект-приглашение, где поэма-сказка в четвёртый раз опубликована на Нижегородчине.³⁴ (Использован текст и иллюстрации первой публикации в «Сельской молодёжи» №9, 1971). Ни одно периодическое издание России (кроме нижегородских) её не печатало. И только в конце 2002 года в журнале «Север» в сдвоенном №11+12³⁵ напечатан «Разбойник Ляля» вместе с «рубцовскими» материалами черноречских почитателей творчества Рубцова, заимствованными из сборника «Николай Рубцов на земле Нижегородской» (2001). В 2006 г. поэма в 5-й раз издана на нашей земле в г. Дзержинске.⁶³

Друзья сделали многое для сохранения памяти о поэте. Вспоминает В.П. Астафьев: «Мы жили в Вологде очень интенсивно. Частенько в память о Николае Михайловиче сходились как бы на помин. Читали его стихи. Каждый своё, заветное. Витя Коротаев порой брался даже за фрагменты поэмы про разбойника Лялю. Труднейший текст!».³⁷

В 2002 году сообщество почитателей рубцовской поэзии облетела сенсация – найдена звукозапись авторского чтения стихотворений Н.Рубцова! В середине июня получаю письмо – бандероль от моего доброго товарища, петербуржца Алексея Васильевича Ангуфьева (одновременно друга Литературного музея поэта Н.Рубцова), земляка поэта по

Николe. Он написал: «Как Вы говорите, материал интересный, лежать не может до осени, хотя он ждал встречи с нами 32 года!!! Да, да! Вдова Вал. Горшкова [Горшков дружил с Н.Рубцовым, любил его (не как некоторые современники) честно и добро] Тамара Алексеевна отыскала в архиве мужа кассету с записью Н.Рубцова, он читает свои стихи. Да какие? Те самые, что задумал на Нижегородчине, это «Лесная сказка» (Разбойник Ляля). По приезде в Вологду от А.Сизова, Н. Рубцов уже в августе – сентябре 1969 года, будучи в д.Тимонихе у Василия Белова, читал эти стихи ему. Значит запись сделана в конце 1969 г. или в 1970 году. И эта запись ждала своего часа 32 года! Я думаю, что для Вас (да и для нас всех) это будет очень радостным и ценным подарком (находкой), а возможно в какой-то степени и сенсацией!!! (Антуфьев-Першину. 1 июня 2002).

В бандероли вместе с письмом прислана аудиокассета, где был указан автор записи, но позднее получаю письмо с уточнением: «P.S. В ранних сообщениях, когда я Вам выслал м/ленту с записью «Лесной сказки», ошибочно была указана фамилия корреспондента радио, сделавшего эту запись! Исправьте, пожалуйста, для истории и справедливости. Это Энгельс Алексеевич Федосеев. Установить справедливость помог Вячеслав Белков!!!» (Антуфьев –Першину. 18 нояб.2002).

Историю «открытия» звукозаписи авторского чтения Н.Рубцова А.В. Антуфьев изложил в статье «Н.Рубцов читает «Разбойника Лялю»».⁴²

Федосеев Энг. А. Радиожурналист, собственный корреспондент Всесоюзного радио по Вологодской области. Он изображён на фотографии: «Цыпина Гора. Кирилловский р-н. В.Вахромеев, Э. Федосеев, Н.Рубцов» [№17].⁴³

Горшков Валентин Сергеевич. В 1961 году – литературный сотрудник многотиражной газеты «Кировец» Кировского завода (Ленинград), где в это время работал Н.Рубцов. Их стихи напечатаны в коллективной книге заводских поэтов «Первая плавка» (1961).⁴⁴ А.В. Антуфьев дарил музею копию фотографии 1962 года, выполненную в редакции многотиражки: Н.Рубцов и журналисты В.Тресвятский, З.Барымова и Вал. Горшков.

В первой поэтической книге Н.Рубцова «Волны и скалы», изданной Б.И. Тайгиным в своём издательстве «Бэ-Та»,⁴⁵ помещены два стиха, посвящённые В.С. Горшкову:

С.15. Имениннику («Твоя любимая уснула...»). Посвящение: ...Валентину Горшкову. Ленинград, декабрь 1961.

С.44. «Ты называешь солнце блюдом...». Посвящение: ...Валентину Горшкову. Ленинград, декабрь 1960.

Лесная сказка Н.Рубцова впервые включена в первый посмертный сборник «Подорожники» (1976)³⁸ составителем Виктором Коротаевым, знавшим творчество поэта. И возникает недоумённый вопрос – «Почему произведение зрелого мастера отнесено к «ранним» стихам?». Не исключено, что это обстоятельство послужило основанием включения её в сборник 1978 года,³⁹ выпущенный издательством «Детская литература» (серия «Поэтическая библиотека школьника»). Сказка для взрослых стала «детской» сказкой! Создаётся впечатление – составители не обременяют себе чтением, анализом содержания, а поступают по заведённому порядку. Так легче...

В 80-е годы XX века она трижды печаталась в поэтических сборниках Н.Рубцова, а с начала 90-х годов – почти в каждом объёмном сборнике поэта. Однако дурной пример заразителен – определили поэму-сказку «детской» - и составители стали помещать её в детские разделы: в сборнике стихотворений «Последняя осень»,⁴⁰ «Разбойник Ляля» - в разделе «Диво-дивное» (детская лирика) и к тому же пропущены две строфы (6 и 7); в сборнике «Той девушке, которую люблю»⁴¹ – обратите внимание на эстетический уровень

издателей – раздел детских стихов Н.Рубцова, назван «Подошла к нему корова» (!) и последней значится ветлужская поэма. Во втором томе трёхтомника (ред.-сост. Вал.Зинченко)²⁶ в тексте пропущена 3-я строфа в 5-й главе.

После получения магнитофонной записи предпринял идентификацию текста в авторском исполнении текста, впервые опубликованному. В результате многочисленных прослушиваний и сверкой с печатным текстом, установлено: первая публикация поэмы – лесной сказки «Разбойник Ляля» почти полностью соответствует тексту в авторском чтении. Лишь в 4-й строфе 6-й главы Н.М. Рубцов, подготавливая рукопись к публикации, исправил в последней строке «с котомкою» на «с молитвами», т.к. 1-я строка 5-й строфы звучит: «Собрала котомку через силу...». Поэт, столь требовательный к себе, не мог допустить в двух последовательных строках одного и того же слова «котомка». Представляется вероятным, что автор, или прослушивая наговоренный текст, уловил «изъян», или редактируя авторскую рукопись, внёс исправление в неё и имеется основание считать – опубликованный текст в журнале **последним авторским**.

Кассета с магнитофонной записью авторского чтения Н.М. Рубцовым своих произведений по поручению А.В. Антуфьева мною передана в фонд городского литературного музея Н.Рубцова и сейчас Вам, участникам Вторых Рубцовских чтений «Мне о том рассказывали сосны, по лесам в окрестностях Ветлуги...», представляется возможность первыми на земле Нижегородской услышать голос поэта и ветлужскую поэму – лесную сказку спустя 33-34 года после записи... Звукозапись авторского чтения предваряет вступление Н. Рубцова: «Слушайте классические произведения русской поэзии XX века...<слышны голоса сомневающихся>... Да. Я не сомневаюсь в этом...». Такое самоомнение, не свойственное Рубцову (на это есть множество свидетельств) в оценке своих произведений, можно понять – ветлужская поэма – сказка очень нравилась поэту. Но... Восточная мудрость гласит: «От громкого крика: «Халва, халва...», во рту слаще не становится!». Лишь время и читатель определяют – классическое произведение литературы или нет.

В литературоведении: «Классики – это писатели, признаваемые лучшими, образцовыми. В более широком смысле – все писатели определённых периодов, считающихся временем расцвета той или иной национальной культуры <...>, а также вообще все крупные писатели, творчество которых стало живым достоянием не только национальной, но и мировой литературы».⁴⁶

За прошедшие 30 с лишним лет многие лирические произведения Н. Рубцова заняли устойчивое определение – «классика», что не скажешь о «Разбойнике Ляле». Она не заняла места, предрекавшегося ей поэтом. Читателем мало востребована, не обращаются к ней композиторы, нет сведений о чтении её мастерами художественного слова (в нашем городе с её чтением публично выступает актриса драмтеатра Валентина Губкина).

Первый публикатор поэмы Виктор Коротаев ни словом не обмолвился о ней в написанном предисловии о творчестве Н.Рубцова,²⁹ хотя по словам В.П. Астафьева «Витя Коротаев порой брался даже за фрагменты [чтения – С.П.] поэмы про разбойника Лялю».³⁷

За прошедшие 35 лет после опубликования ветлужская поэма-сказка обрела читателей в почти двух десятках изданий, в том числе на Нижегородской земле: в газетах – трижды, единожды в проспекте Вторых Рубцовских чтений,³⁴ в 2006 году – в отдельном издании.³⁶

К сожалению, не существует обстоятельного исследования необычного для лирики Н.Рубцова произведения, кроме небольшого литературного обозрения в книге Василия Оботурова «Искренне слово».¹² Автор благосклонно рассматривает её в общем твор-

честве поэта, не определяя значения в нём, и не допускает какого-либо восхваления: «Поэтому работать в необычном для Рубцова ключе я вижу в его поэме-сказке «Разбойник Ляля», которая резко отличается от всего им написанного, и которую он очень ценил. Здесь намечается выход поэта к эпическому письму при опоре на народнопоэтическую традицию. <...>. Говорить о предопределённости нового направления поэзии Николая Рубцова оснований маловато, но ведь и «лесная сказка» <...> по-своему продолжает и развивает тенденции, характерные для лирики поэта. <...>, ... свидетельствующая о новых творческих поисках, а прямое обращение к народнопоэтической традиции обещало для Рубцова многое в художественном постижении истории, во всяком случае – расширяло возможности его творческих исследований на самой прочной основе».

В последние годы, вместо серьёзных исследований поэтики «Лесной сказки», в некоторых публикациях о творчестве поэта появилась тенденция «подтягивать» написанное им под воззрения авторов на его судьбу. Создаётся впечатление, авторы не слушают Рубцова, а прихорашиваются под лучами своей к нему приобщённости. Позволю привести два примера.

Редактор-составитель трёхтомника⁴⁷ Валентина Зинченко, достаточно серьёзный, профессиональный исследователь, пишет в предисловии: «Это сказка-быль про него самого, (!) – не ожидал только, что погибнет от рук «разбойницы Шалухи», хотя и чувствовал, что тучи над ним сгущаются». (!) Ей оппонируют известный писатель Н.Коняев:⁴⁸ «Конечно, можно было посоветовать В.Зинченко внимательно прочесть (обратите внимание – ей прочесть!) «Лесную сказку» и убедиться, что разбойница Шалуха не убивала Лялю, который погиб на поединке с Бархоткой, а Шалуха (далее возникает недоумённый вопрос – автор сам-то как читал «Разбойника Лялю») – лишь отравила (!) свою соперницу, юную княгиню Лапшангскую». Однако далее, как бы спохватившись, указывает в скобках (это в поэме не сказано прямо) и подтягивая свою мысль под обстоятельства убийства поэта пишет: «Несомненно, что-то своё различал Николай Михайлович в шуме ветлужских сосен, глядя на возвышающийся над деревней холм: («На земле не то ещё бывало») и, конечно, никуда не уйти от того факта, что эти строки написаны Николаем Михайловичем вскоре после его поездки [С будущим убийцей.-С.П.] в Тотьму...» Вот так-то, варнавинцы, а вы говорите «наша, ветлужская поэма». И автор, без сомнения, знает – о чём думает Рубцов, создавая поэму у своего друга Василия Белова в Тимонихе: «...только неясные предчувствия, смутные опасения, которые владели Рубцовым...». Давно замечено, за литературоведами имеется «грешок» - они провозглашают неподтверждёнными гипотезами истины, что является обыкновенным мифотворчеством... Впрочем – поживём, не то ещё прочтём о поэме-сказке, «не то ещё было», изрёк в ней Николай Рубцов.

Вне зависимости от читателя, от суждений профессиональных исследователей, критиков, да и нас дилетантов, путающихся под ногами Н.Рубцова, поэт создал своё произведение и, по словам Л.Н. Толстого, «Первое объяснение того, что художник хотел сказать, - в том, что он сказал».

P.S. Фрагменты статьи зачитаны участникам Вторых Рубцовских чтений, состоявшихся 18 января 2003 года в Литературном музее поэта Н.Рубцова (г. Дзержинск, Нижегородская обл.). Позднее содержание дополнено в связи с обнародованием новых материалов.

Черноречье.

2003. Январь - 18 - Март. 2006.

С.Першин.